

Е. А. Гунаев
(канд. юрид. наук,
ученый секретарь, КалмНЦ РАН)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-7-14

Этнотерриториальный фактор в геополитическом пространстве Юга России (на примере Республики Калмыкия)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект КалмНЦ РАН «Национально-территориальные и национально-культурные формы самоопределения народов в Российской Федерации в начале XXI века политико-правовые аспекты»).

Исследование геополитического пространства Юга России, как правило, предполагает два аспекта — внешний (анализ внешнеполитической обстановки, международных отношений, влияние внешних факторов на регион) и внутренний (внутриполитические и экономические факторы, отражающие специфику региона). Одной из важнейших особенностей геополитического пространства Юга России является этническое и религиозное многообразие, сопряженное с фактором национально-государственных образований в виде республик — субъектов Федерации. Если рассматривать внутрирегиональную специфику, Республика Калмыкия сохраняет свою геополитическую уникальность в силу, прежде всего, этнотерриториального фактора.

Среди геополитических особенностей Юга России на современном этапе указываются следующие:

- географическое расположение (территория);
- численность проживающего населения (более 18 % населения России);
- многососедство;
- транзитный потенциал геополитического положения региона;
- приграничный характер (наличие государственной границы Российской Федерации в пределах субъектов, входящих в южнороссийский регион) и др. [Сухинин 2015: 54].

Применительно к Республике Калмыкия данные особенности также ярко выражены, за исключением численности населения. Особенность республики состоит в том, что это самый малочисленный ре-

гион Юга России (278,8 тыс. чел.), но со значительной территорией — 75 тыс. км², которая превышает территорию многих соседних субъектов РФ [Регионы России... 2016: 18].

Российский идеолог и исследователь геополитики А. Г. Дугин выделяет «область русских земель от Таганрога до Астрахани, т. е. все русские земли, расположенные между Черным морем и Каспием, куда входит также клином пространство Калмыкии». Согласно А. Г. Дугину, в силу относительно близких расстояний от центрально-европейской части и за счет демографически плотной заселенности и технической развитости треугольник Ростов-на-Дону — Волгоград — Астрахань представляет собой важнейший форпост России на Юге. Для этого следует укреплять его технологически, стратегически и интеллектуально, желательно интегрировав административно и политически [Дугин 1997: 349].

При этом, отмечает он, «некоторые проблемы возникают с северными районами Калмыкии, которые, однако, довольно слабо заселены. Имеет смысл включить эти северные степные регионы в общий интеграционный пояс, геополитически «растянув» их напрямую между Ростовом-на-Дону и Астраханью, чтобы замкнуть снизу треугольник с вершиной в Волгограде. Тем самым будут воспроизведены географически и геополитически границы древней Хазарии, контролировавшей весь этот регион в начале первого тысячелетия. Можно условно назвать это геополитическое образование „хазарским треугольником“» [Дугин 1997: 350].

На наш взгляд, если отвлечься от рассуждений о «русских землях», «хазарском треугольнике» и прочем, действительно следует признать, что Калмыкия в экономическом и политическом плане на региональном уровне более ориентирована на треугольник Ростов-на-Дону — Волгоград — Астрахань. С выделением отдельного Северо-Кавказского федерального округа в 2010 г. Калмыкия вместе с Адыгеей (две национальные республики) остались в составе Южного федерального округа. В случае с Адыгеей это связано с тесной интеграцией с Краснодарским краем, а с Калмыкией, — как уже отмечалось, экономической и политической ориентированностью на регионы, которые имеют выход на центральную Россию (Ростовская и Волгоградская области) или же общую хозяйственную деятельность в низовье Волги и на побережье Каспийского моря (Астраханская область).

Говоря о Калмыкии, равно как и других субъектах Российской Федерации, территория которых обособлялась исторически с учетом интересов коренных народов, следует отметить, что на этом факте сделан акцент, в частности в региональных основных законах [Нифанов 2011: 39]. В Степном Уложении (Конституции) Республики Калмыкия данному аспекту соответствует ст. 15, согласно которой «Республика Калмыкия, являясь единственным очагом и хранителем калмыцкой национальной культуры, историко-культурного наследия, гарантирует их сохранение и развитие» [Гунаев 2012: 116, 117].

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия воспроизводит положение ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, согласно которой земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В Основном законе Калмыкии данное положение зафиксировано не только в отношении земли и других природных ресурсов, но и в отношении территории республики в целом [Гунаев 2012: 117].

Особенностью российского федерализма является наличие «национальных» субъектов — республик, автономной области и автономных округов. Из них в республиках этнический фактор наиболее выражен. В этой связи К. П. Катушов отмечал, что опыт становления федерализма в России, в том числе и советский опыт, заслуживает более пристального изучения. «Некоторым кажется, что Российская Федерация унаследовала от советского прошлого искаженную, иерархичную модель, построенную на „причудливой смеси“ этнонационального и территориального. Стремление в определенной форме учесть и сохранить собственное национальное своеобразие в республиках РФ некоторые унификаторы склонны рассматривать не иначе как их „асимметричность“. Хотя, с позволения сказать, такая „асимметричность“ и „причудливость“ сформировались в государственном устройстве России еще задолго до советской власти» [Катушов 2001: 60].

Своеобразие этнического состава территории ставит вопрос об учете и этнопсихологических, этнокультурных особенностей, традиций народов на среду обитания, т. е. в территориальном аспекте, что приобретает и геополитический характер.

Так, В. Н. Бадмаев предлагает использовать в анализе этнокультурной идентичности калмыцкого этноса такие категории, как транскультурация, культурное пограничье. К примеру, кочевничество,

номадизм калмыков необходимо рассматривать не только как вид хозяйствования, но и как социокультурные детерминанты формирования идентичности этноса. «Калмыки-номады в силу своего мобильного образа жизни объективно играли важную культурно-коммуникационную роль в трансляции различных культурных моделей и идей, распространяя их как среди оседлых, так и кочевых народов. Одной из форм выполнения кочевниками этой миссии, возложенной на них исторической судьбой, было их участие в хозяйственно-культурных связях между народами региона Юга России. И хотя номадизм более не является живой традицией современных калмыков, он по-прежнему сохраняет положение фундаментального элемента национального самосознания народа» [Бадмаев 2013: 127].

Л. А. Смагина приводит факторы, которые способствовали формированию национально-психологических особенностей калмыков:

1) стойкость в достижении поставленных целей, верность данному слову, выносливость, неприхотливость, настойчивость, старательность, умение довольствоваться малым, самостоятельность, чувство единой национальной принадлежности.

2) уважительное отношение к старшим и младшим; признание достоинства других людей, стремление во всех отношениях с другими людьми соблюдать порядочность и честность.

3) самосозерцание, самоконтроль, трезвость мысли и рационализм, довольство тем, что есть в жизни в настоящее время, самоограничение себя в желаниях и мечтах, определенная настойчивость при достижении реально существующих целей, жесткость при достижении реальной перспективы, уважительное отношение ко всякому живому существу, человеку в особенности, умеренность, стремление к гармонии, уравновешенность [Смагина 2015: 132].

Этнический менталитет тесно связан и с хозяйственной деятельностью населения. Есть и соответствующий термин — этноэкономика. Один из наиболее существенных признаков этноэкономики — применение традиционных для этнически выраженных регионов методов ведения производственной деятельности, личного подсобного и домашнего хозяйства. Особенно ярко это проявляется в хозяйственных укладах казачества, горных народов Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в Калмыкии [Овчинников, Колесников 2006: 119].

Отмечается, что «этноэкономика в период фактического «сжатия» индустриального сектора не только сохранила свои ресурсы (трудо-

вые, семейные и сырьевые, надомные формы труда), обеспечив тем самым внутренний спрос на местных рынках, но и стала фактически единственным источником развития малого бизнеса, который опирался в основном на частные, личные накопления, превратившиеся в „работающие инвестиции“. Кроме того, этноэкономика посредством деятельности экономической и политической элит полиэтнических регионов выполняет еще одну важную и малоисследованную функцию — она участвует в производстве, распределении и перераспределении природной ренты» [Овчинников, Колесников 2006: 122].

Согласно Б. В. Дорджиевой, феномен этноэкономики по многим своим сущностным признакам приближен к «архайке». «Овцеводство — это не просто одна из базовых отраслей региональной экономики. Это важнейший элемент (экономическая основа) веками складывающегося этноэкономического и этнокультурного комплекса. От поддержания интереса к пастбищному животноводству, сохранения продовольственных стереотипов и просто осознания факта владения скотом не только как экономической, но и социально-психологической ценности во многом зависит воспроизводство калмыцкого этноса» [Дорджиева 2014: 547, 549].

Фактор этничности является одним из самых важных и приоритетных в политической жизни регионального социума. По мнению ряда исследователей, особое значение в поддержании этнокультурного разнообразия как основания единства социокультурного пространства Юга России имеет этническая идеология, способная ослабить нивелирующий эффект глобализационных процессов и усилить инкорпорацию в этническое сознание принципов гражданской идентичности. На основании анализа этносоциальных процессов в контексте их культурно-исторической транзитивности выделяются три группы этносообществ. Для первой группы характерны высокая степень укорененности элементов этнического самосознания в сознании народа и приоритет этнокультурных ценностей над всеми остальными, особенно гражданскими и социально-демографическими. «Во многом сохранению этнокультурных традиций данных народов способствует преобладание сельского населения, проживающего преимущественно в моноэтнической среде и сохраняющего свой традиционный хозяйственный и культурный уклад, над городским (Чечня, Ингушетия, Дагестан)» [Шаов и др. 2016: 21].

Вторая группа этносообществ «характеризуется постепенной конвергенцией ценностей традиционного социума и элементов общества модерна, которые под действием урбанистических процессов, ослабления социоинтегративного потенциала традиционной культуры, энтропии культурного ядра и проникновения в его структуру инокультурных компонентов, постепенно выхолащивает этническое самосознание народа. Однако в декларативно-поведенческом дискурсе полной хабиитуализации инокультурных элементов не происходит: инкорпорируя элементы модерна в повседневной жизни и принимая институционализированные практики как социально-одобряемые формы бытия, они в то же время не разрывают связи с традицией, наполняя ее содержание фрагментированными смыслами (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, частично Адыгея и Северная Осетия)» [Шаов и др. 2016: 21].

Наконец, третья группа этносообществ «вследствие активной инкорпорации принципов модерна в общественное сознание и вовлечения в глобализационные процессы современности радикально разрывает единство с традиционными ценностями (Краснодарский край, Ростовская область, частично Адыгея и Северная Осетия)» [Шаов и др. 2016: 22].

При всей условности и неоднозначности данной классификации, по нашему мнению, Калмыкию можно отнести ко второй группе этносообществ.

Значительное влияние на социально-политические процессы в обществе оказывает религиозный фактор. Сочетаясь с этнической идентичностью, он становится этнорелигиозным фактором. По мнению Е. Б. Поканиновой, «в современных условиях можно говорить о появлении нового политического феномена — буддийского фактора, столь же активно влияющего на социально-политическую жизнь традиционно буддийских республик России (Калмыкии, Бурятии, Тувы), как и так называемый исламский фактор на жизнь Дагестана, Чечни и других республик Северного Кавказа» [Поканинова 2012: 80].

«Несмотря на свою аполитичность, буддизм стал уникальным политическим феноменом, оказав существенное влияние на формирование толерантной политической обстановки в буддийских республиках. Буддизм имеет серьезный миротворческий потенциал, который позволяет представителям данной религии не только развивать миролюбивые межрелигиозные отношения, но и устранять причины многих политических конфликтов» [Поканинова 2012: 82].

Как отмечает М. С. Уланов, «...само наличие буддизма как своеобразной третьей силы в транскультурном пространстве Юга России является важным фактором единства Российского государства, поскольку биполярное состояние опаснее для единства, нежели полицентричное состояние. Об этом свидетельствует общая теория конфликта, в соответствии с которой всякое приближение к биполярности чревато угрозой распада единства. В современном транскультурном пространстве Юга России буддизм обладает значительным потенциалом толерантности» [Уланов 2013: 151].

Л. В. Намруева отмечает, что «самоидентификация „мы — буддисты“ для подавляющего числа калмыков в настоящее время является не столько религиозной, сколько культурной идентичностью. Буддистом человек может считать себя не потому, что он в повседневной жизни постоянно посещает службы в храме, скрупулезно выполняет религиозные предписания, а потому, что он живет в семье, республике с буддийскими традициями и испытывает огромную потребность в историко-культурной идентификации с народом, который на протяжении четырех столетий исповедует буддийское учение» [Намруева 2016: 123].

Однако, как показал инцидент, связанный с осквернением статуи Будды в г. Элисте в начале апреля 2016 г., религия или этнорелигиозная идентичность может выступать консолидирующей силой, включая массовый протест.

В заключение отмечаем, что категории «этничность» и «территория» в социально-политическом пространстве регионов Юга России по-прежнему глубоко взаимосвязаны. Территория как среда обитания образует хозяйственный уклад, обусловленный в том числе этнокультурными и этносоциальными особенностями народов (этнических общностей), проживающих на ней.

Литература

Бадмаев В. Н. Калмыцкий этнос в транскультурном пространстве Юга России // Гуманитарий Юга России. 2013. С. 120–129.

Гунаев Е. А. Территория Республики Калмыкия: особенности конституционно-правового статуса // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 4 (16). С. 114–122.

Дорджиева Б. В. Аграрная архаика неучитываемой экономики Республики Калмыкия // Фундаментальные исследования. 2014. №3. С. 547–549.

Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. 608 с.

Катушов К. П. Роль региональных органов власти в процессе развития федерализма в России // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2001. № 3. С. 59–65.

Намруева Л. В. Буддийская идентичность современных калмыков: типология и проблемы диагностики // Буддизм Ваджраяны в России: Традиции и новации. Колл. монография / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2016. С. 118–123.

Нифанов А. Н. Статутизация особенностей территорий в процессе конституционного строительства Российской Федерации и ее субъектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 13. С. 37–43.

Овчинников В. Н., Колесников Ю. С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.

Поканинова Е. Б. Буддийский фактор в социокультурных процессах России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1 (45). С. 79–83.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

Смагина Л. А. Национально-культурная политика Калмыкии: история и современность // Этносоциум. 2015. 3 (81). С. 128–132.

Сухинин С. А. Структурные трансформации геополитического положения Юга России в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 54–63.

Уланов М. С. Буддийский фактор в транскультурном пространстве Юга России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 148–151.

Шаов А. А., Нехай В. Н., Канец В. П. Национальные интересы в контексте этносоциальных трансформаций на Юге России // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8. 2016. №3/2. С. 19–23.